

Каждый русский парень в возрасте восемнадцати лет сталкивается с ситуацией воинской службы. Поэтому, мне кажется, слишком легко пописывать об этом, сидя в Западной Европе в удобном кресле, так как мне никогда не приходилось таскать автомат, выживать в тяжёлых климатических условиях, терпеть унижения, копать в грязи, пытаясь высвободить для себя крошечное личное пространство среди самодовольной агрессии и насмешливой жестокости. Патриотическая доктрина предполагает, что армия помогает найти настоящих друзей, служащих Отечеству. И как же, интересно? Вспоминается фраза из одного романа Пола Остера: «Не лезьте в Ирак за вдохновением и творчеством. Ничего подобного вы там не найдёте, лишь тягостные воспоминания, которые будут терзать вас всю оставшуюся жизнь».

«Далёкий плач» — так называется сборник стихотворений Шадринова, вышедший через два с половиной года после трагедии. Мы слышим плач Иеремии по Шадринову из-за того, что он был призван в армию. Следует ли нам поприветствовать библейские аллегории? Так, Шадринов несёт крест — и также несёт на себе печать страдающего Каина, систему координат возвышенного. Он видит мир очень эмоционально, по-детски, но с сильными чувствами, осязающими каждую деталь природы. Его поэзия стремится к универсальной сущности и конденсируется в божественный принцип категорического императива.

Эта поэзия — божественная, словно написанная в адской армейской кухне кем-то тонким и хрупким с душой подобной стёклышку, паутинке, утренней росе. Что там делает грубое слово, превращённое в грубую руку? Оно уничтожает.

Шадринов чем-то напоминает Георга Тракля (1887 — 1914) в своём религиозном максимализме. Он уничтожил свои рукописи в огне перед тем как пойти в армию. Кто не видит там экспрессии Гоголя со второй частью «Мёртвых душ» или Настасьи Филипповны, которая стотысячную пачку рублей швырнула в камин? Но это ещё и типичное проявление юношеской экспрессивности. Он — Георг Тракль, Сергей Есенин (1895 — 1925)? И да, и нет.

Меланхолия, что дышит в душе его, не нравится ему, пребывающему в возвышенной скорби, стоящему в одиночестве в лесу и обнимающему деревья, с листьями, плывущими к земле по его волосам. Но чрезмерность, разрушительность, деструктивность невротической психики бродяги и божьего персонажа всё же отсутствует. Нет, Шадринов — приличный мальчик. Алёша Карамазов. Его поэзия остаётся неповреждённым, никогда не извергавшимся вулканом, потому что он дремлет в застывшем и тёплом состоянии. Как Алёша у Достоевского (которому едва исполнилось двадцать лет), он проводит жизнь в глубокой вере в сострадание, отречение и понимание, в то, что можно примириться с жизнью, будучи Гермесом. Гермесом, который превратил божественное послание в человеческие слова и принёс их в мир. Но будем ответственными, так как такая хрупкая душа подвергается испытаниям — искушением и глумливым презрением. Алёша слишком хорош для этого мира, и поэтому должен принимать страдания на плечи свои.

Такие мелодичные элегии, магические акценты чистой аскетической неискушённости, независимой подлинности

и строгой классики можно найти лишь в Серебряном или даже в Золотом веке русской поэзии. С тем же самым детским удивлением и философскими размышлениями о смысле жизни пишет Николай Рубцов (1936 — 1971), поэт трагической судьбы, также ставший примером для юного лирика. Шадринов ослепляет богатым красноречием своей поэзии (действительно, сколько там цветowych эпитетов!), задумчивым любопытством. Траур подбирался к его глазам и лукавой улыбке, как капризный червь ползёт к губам. Он как ребёнок. Скорбящая икона в доме, покрытая чёрными пятнами. Но убитый мальчик-романтик Шадринов не одинок в этом мире многих жертв, канувших в Лету. Назовём имя одной из таких жертв: Кулдар К. Рауднаск (1965 — 1985), эстонский поэт, добровольно ушедший из жизни в Советской армии. Причина: непереносимость жестокого обращения.

Шадринов создал альтернативный мир, спасительный рай плодородия природы, экстатической стойкости и сохранённой красоты, и предвосхитил в своей поэзии трагедию собственной судьбы. Так жестоко, так грустно, так красиво всё это.

Перевод Стеллы и Бориса КУТЕНКОВЫХ

Австрия, Зальцбург

Борис Кутенков, Александр Лаврин и Ирина Медведева на заключительном круглом столе Третьих Литературных чтений «Они ушли. Они остались». ИЖЛТ. 16.11.2014

Кирилл Ковальджи рассказывает о Леониде Шевченко (1972 — 2002). Вторые Литературные чтения «Они ушли. Они остались». Библиотека им. Лермонтова. 16.11.2013

Родион Вереск рассказывает об Илье Кричевском (1963 — 1991). Вторые Литературные чтения «Они ушли. Они остались». Государственный Литературный музей. 15.11.2013